

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1914–1917 ГГ.)**

**THE EVOLUTION OF PUBLIC SENTIMENT
IN YENISEI PROVINCE (1914–1917)**

Аннотация. Статья посвящена эволюции общественных настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Исследование позволяет понять, почему быстро росло недовольство населения в аграрных регионах, расположенных в глубоком тылу, отдаленных как от линии фронта, так и центров политической жизни страны, которые должны были обеспечить все возможные ресурсы для победы. Показано, что этот процесс в значительной степени был обусловлен реакцией людей на ухудшение социально-экономических условий жизни. Крестьяне считали, что, осуществляя мобилизацию, которая лишала их хозяйства рабочих рук, государство было обязано оказать ответную помощь в виде кредитов, смягчения налогов, разрешения на использование труда военнопленных. Отсутствие этих мер приводило к разочарованию, вызывало ощущение несправедливости власти. В городах серьезное влияние на рост раздражения и возмущения оказывали дефицит промышленных товаров и дороговизна продуктов питания. Проблемы местного населения усугублял приток беженцев и военнопленных. Снижение уровня жизни касалось, прежде всего, беднейших социальных групп, к которым относились семьи призванных. В течение войны их численность увеличивалась, а масштабы общественной и благотворительной поддержки сокращались. Протест солдатских семей выливался в неорганизованные стихийные выступления с проявлением насилия.

Abstract. The article is devoted to analysis of evolution of public sentiment in Yenisei province during the First World War. Study allows us to understand why discontent of the population grew rapidly in the agricultural provinces located in the rear, remote from the front lines, and centers of political life of the country, which was to provide all possible resources to win. It is shown that the reaction of people to the deterioration of socio-economic conditions of life largely conditioned this process. The peasants believed that mobilization deprived of the economy of workers, so the state was obliged to assist them in the form of loans, mitigation of taxes, the use of labor prisoners of war. The absence of these measures led to disappointment, a sense of social injustice. The shortage of industrial goods and the high cost of food in cities caused growing irritation and resentment. The influx of refugees and prisoners of war exacerbated the socio-economic problems of the local population. The decline in living standards affected, above all, the poorest groups of the population. Families of soldiers were among them. Their numbers increased and the scope of charitable aid has decreased during the war. The protest of the soldiers' families resulted in unorganized spontaneous acts with violence.

Ключевые слова: Енисейская губерния, общественные настроения, Первая мировая война, продовольственный кризис, семьи призванных, социальное недовольство.

Keywords: Families of mobilized, First World War, public sentiments, the social discontent, the food crisis, Yenisei Province.

В период от начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г. настроения населения тыловых регионов Российской империи претерпели значительные изменения. Патриотический подъем сменило недовольство затяжным характером войны, действиями

центральных и местных властей. Причины этого явления в таких отдаленных от линии фронта аграрных областях, как Восточная Сибирь, требуют осмысления, поскольку здесь не стояли с большой остротой рабочий, национальный вопросы, не было оккупации, значительного наплыва раненых и беженцев, ситуация с продовольствием обстояла более благополучно. На материалах Енисейской губернии предлагаем проанализировать процесс эволюции общественных настроений городского и сельского населения, а также выявить факторы, которые оказали на него определяющее влияние.

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные документы и периодическая печать. Первые включают донесения и рапорты сотрудников Енисейского губернского жандармского управления, сосредоточенные в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, фонд 827). Одной из главных задач жандармерии в период военных действий было отслеживание радикальных общественных течений, предотвращение выступлений, направленных против самодержавного режима. На основании анализа оперативных сведений с мест начальник местного жандармского корпуса или его заместитель составлял регулярные (ежеквартальные, полугодовые, годовые) отчеты, отражавшие особенности социально-экономического развития региона, общественно-политические взгляды его жителей. В них приведены весьма точные прогнозы развития губернии в краткосрочной перспективе (ближайшие два–три месяца).

Материалы периодической печати («Вестник красноярского городского общественного управления», «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии», «Сибирская деревня») содержат сведения о масштабах инфляции, спекуляции, дефицита товаров первой необходимости и продуктов питания, восприятии населением мероприятий центральных и местных властей по преодолению кризисных экономических явлений, положении солдатских семей и системе их социальной поддержки.

В советский период рост социального недовольства накануне революционных событий 1917 г. объяснялся кризисом самодержавия, обострением противоречий между эксплуататорским и эксплуатируемыми классами, поражениями на фронте, основное внимание уделялось нелегальной деятельности ссыльных и местных отделений Российской социал-демократической рабочей партии (История Сибири... 1968). Для современной историографии характерен значительный интерес к проблеме воздействия военных конфликтов на человека и общество (Сенявская 2016). Интенсивно разрабатывается вопрос о влиянии событий Первой мировой войны на психологию, менталитет, настроения современников. При изучении обострения социальных противоречий подчеркивается многослойность массового сознания, проявление в нем интересов и позиций различных социальных групп (Поршнева 2004, 2014; Борщук 2010). Отмечено широкое развитие частной и общественной благотворительности в начале войны, отразившее общий народный патриотический подъем (Ульянова 2014). Пристальное внимание историков привлекает трансформация образа императора в коллективных представлениях (Колоницкий 2010), дискредитация и делегитимизация самодержавной власти в глазах людей (Голубин 2002; Пахалюк 2014 и др.). Степень влияния экономических факторов и качества жизни на рост общественного недовольства является предметом острых научных дискуссий (Нефедов 2011; Миронов 2012; Парамонов 2014 и др.).

Зарубежные исследователи чаще всего обращаются к изучению политической культуры населения Российской империи в годы Первой мировой и гражданской войн, поиску истоков острых социальных конфликтов внутри общества, причин революционных потрясений 1917 г. и прихода к власти большевиков. Однако обращаются, прежде всего, к материалам Москвы и Петербурга, а также губерний европейской части страны (Figes 1989; Lih 1990; Haimson 1993; Raleigh 2002; Gatrell 2005; Engel 2010).

Существенно вырос интерес к региональному историческому опыту. Авторы изучают влияние демографических, социально-экономических, культурных изменений, происходивших в годы войны, на представления людей о власти и перспективы развития страны (Назаров 2007; Семенова 2012; Сухова 2014 и др.). В течение двух последних десятилетий появляются работы, в которых предпринимаются попытки комплексного анализа развития отдельных губерний Западной и Восточной Сибири в 1914–1917 гг.: рассматриваются основные социально-экономические тенденции, ход мобилизации, благотворительность, некоторые аспекты повседневной и общественно-политической жизни (Еремин 2005; Шишкина 2006; Кротт 2011; Шиловский 2015). Аналогичных исследований, выполненных на материалах Енисейской губернии к настоящему времени не появилось. В трудах краеведческой направленности сведения представлены фрагментарно (Комарова 2007; Забытая доблесть... 2014).

Настроения и ожидания на начальном этапе военных действия

В 1914 г. Енисейская губерния, одна из самых обширных в Российской империи, была частью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Она включала Красноярский, Ачинский, Енисейский, Канский, Минусинский, Усинский пограничный округа и Туруханский край. Ее население составляло 1 119 208 человек, из них в городах (Красноярске, Канске, Ачинске, Енисейске, Минусинске) проживало 147 233 человек (13 %), в сельской местности – 971 975 (87 %) (Памятная книжка ... 1915: 67). Таким образом, это был аграрный регион, с абсолютным преобладанием крестьянского населения.

Начало Первой мировой войны его жители встретили без большого воодушевления, однако по отношению к правящему режиму демонстрировали лояльность. При проведении мобилизации летом–осенью 1914 г. в 11 селах Красноярского, Ачинского и Минусинского уездов происходили разгромы винных лавок и волостных правлений. Они были вызваны недовольством новобранцев и их семей введением запрета на продажу крепких спиртных напитков. Стихийные беспорядки прекратились, как только солдат отправили на сборные пункты (Шиловский 2015: 16).

Полковник М.А. Байков, начальник Енисейского жандармского управления, в обзоре об обстановке в губернии в течение второй половины 1914 г. писал, что крестьяне, хотя не совсем четко понимали причины и цели войны, но поддерживали правительство и были настроены на победу (ГАКК 1915–1916: 189). Главным вопросом, который волновал сибирскую деревню на протяжении военных действий, стала нехватка рабочих рук, вызванная мобилизациями. В 1917 г. в Енисейской губернии насчитывалось 159 273 крестьянских хозяйства, в которых числилось 477 997 мужчин (из них в трудоспособном возрасте 215 255, т.е. 45 %) и 453 245 женщин (трудоспособных – 211 743 или 47 %). К этому времени было призвано на фронт 9 % уроженцев губернии, т.е. 17,5 % мужского населения или 38,8 % трудоспособных мужчин (Россия в мировой войне... 1925: 21).

Крестьяне также считали, что осуществляя мобилизацию, правительство обязано оказывать им ответную поддержку: «Государство должно дать денег на заготовку семян и машин, на организацию артелей из учащихся, военнопленных и беженцев. Выдаются же многомиллионные ссуды промышленникам, значит, могут быть выданы они и сельским хозяевам» (Что будем делать... 1915: 5). Как минимум, они ожидали получения рассрочки в уплате налогов и ссуд до конца военных действий.

По этой причине взимание недоимок вызывало возмущение со стороны малоимущих, особенно солдатских семей, отправивших на фронт своих кормильцев. Хотя протест не приобрел массового характера и проявился лишь в нескольких инцидентах (согласно документам губернского жандармского управления, всего за 1914–1917 гг. во время описи имущества должников в 3 случаях солдатки отказались платить недоимки из-за тяжелого материального положения, еще в 7 – члены солдатских семей агитировали односельчан против уплаты податей на сельских сходах), уголовная ответственность (штраф, арест,

высылка за пределы губернии) и преследование по таким делам воспринимались в качестве свидетельства социальной несправедливости (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1–3).

Горожане демонстрировали большой патриотический энтузиазм, нежели сельская публика. Основной формой выражения их любви к отечеству стала благотворительность. Они организовывали кружечные сборы, спектакли, концерты, работали в многочисленных общественных организациях. В Красноярске и уездных городах действовали местные отделения Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Союза городов, Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам, комитеты попечения о беженцах и семьях призванных солдат, около полутора десятков дамских комитетов и др. Поскольку губернии Восточной Сибири не были включены в состав эвакуационных пунктов за дальностью расстояний, большого наплыва раненых и больных не испытывали, особенно в начальный период войны.

При характеристике политических взглядов М.А. Байков отмечал, что военных и высших учебных заведений здесь не было, среди педагогического персонала и учащихся старших классов гимназий наибольшей популярностью пользовалась партия кадетов. Хотя рабочие железнодорожных мастерских Красноярска поддавались агитации социал-демократов и многие из них разделяли пораженческие взгляды на войну, широкой подпольной деятельности ссыльные не вели: «При налаженной агентурной сети в любой момент можно ликвидировать подпольные собрания эсеров и эсдеков» (ГАКК 1915: 3).

Переломные 1915–1916 гг.

Настроения людей претерпели значительные изменения в течение 1915 г. под влиянием дефицита и роста цен. Недостаток товаров, не производившихся в регионе (сахара, мануфактуры, галантереи и других изделий обрабатывающих отраслей промышленности), а также многих предметов первой необходимости (соли, спичек, муки, дров и др.) был вызван расстройством железнодорожного транспорта, падением курса рубля, спекуляцией. Длительное отсутствие привычных и необходимых в быту вещей вызывало чувство раздражения: «Мы, жители деревни, кажется, скоро превратимся в первобытных людей, хотя наши требования как-то притупились от времени и мы не чувствуем уже той тяжести, которую чувствуют городские жители. Здесь нет уже давно сахара, мыла, обуви, не бывает керосина, спичек, а сальную свечку можно достать только по знакомству <...> А жить все-таки тяжело!» (Деревня приспосабливается... 1915: 18).

Местная пресса отмечала, что еще в начале 1915 г. рост цен на продукты питания был умеренным. Однако осенью был собран плохой урожай из-за засухи, от которой особенно пострадали южные степные и лесостепные районы губернии. Крестьяне начали придерживать хлеб для собственного потребления, с тревогой думали о будущей весне из-за нехватки семян. Оптовые торговцы и перекупщики сократили объемы хлебной торговли на городских рынках, так как выжидали резкого повышения цен к весне 1916 г. Значительная часть зерновых скупалась в качестве сырья для самогонварения. Из-за правительственной антиалкогольной кампании стоимость самогона в военный период выросла в пять раз по сравнению с ценой прежнего казенного вина. Самовольное винокурение в некоторых уездах губернии принимало чудовищные размеры, повальное пьянство влекло за собой застой и упадок в хозяйствах (ГАКК 1915–1916: 189).

Муниципальные власти вводили систему таксировки цен, создавали продовольственные комиссии при городских управах, которые делали оптовые закупки продуктов питания и продавали их населению по сниженным ценам, поддерживали потребительскую кооперацию. Однако бюджеты городов были ограничены, поэтому эти меры не имели системного характера, не охватывали территорию уездов. Развитие продовольственного кризиса заставляло горожан нервничать. По мере того, как пустели хлебные магазины (запасы), беспокойность людей росла: «Мы рискуем очутиться в совершенно безвыходном

положении. Из полосы дорогих цен мы можем перейти на положение полного отсутствия хлеба» (Продовольственные перспективы... 1915: 17).

К мероприятиям городов по борьбе с дороговизной современники относились скептически, отмечали незаинтересованность гласных в скорейшем решении продовольственных трудностей, поскольку их состав носил сословный характер. В качестве частных лиц они занимались торговлей и преследовали собственную выгоду, тогда как обязанности сотрудников продовольственных комиссий предполагали защиту интересов представители малоимущих групп населения: «Мы должны еще раз вспомнить, что главной силой в наших городских управлениях везде являются торговцы и промышленники. Конечно, они не враги сами себе и не могут сильно бороться сами же с собою» (Минин 1915: 43).

Жандармские офицеры действия городских управлений также признавали безуспешными: «Продовольственная неурядица, не смотря на богатство края сырьем, растет; отсутствие же земства и организаций Земского Союза в связи с поразительной некультурностью и непривычкой к реальной работе, а не к политиканству, цензового состава городских самоуправлений, сделала то, что частые кризисы, кроме, разумеется, общего продовольственного, в городах не прекращаются, следуют один за другим, все более усиливая напряженность всеобщего недовольства» (ГАКК 1917: 7–7 об).

Многokrратно усилилась спекуляция. Спекулятивный характер торговли в Восточной Сибири сложился еще в довоенный период и был обусловлен аграрным характером экономики, архаичными формами товарообмена, неразвитостью транспортной инфраструктуры. Осенью на ярмарках и базарах перекупщики забирали у крестьян произведенную продукцию (хлеб, мясо, дрова, сено и т.д.) оптом, и в течение года продавали ее горожанам в розницу с высокой наценкой. Во время войны спекуляция была обусловлена, в первую очередь, слабым развитием обрабатывающей промышленности в регионе, нарушением товарообмена между городом и деревней. К тому же, сибирские губернии оказались в неблагоприятном положении в отношении транспорта. Закупленные ими товары в европейской части России и на восточных рынках (в Маньчжурии и Монголии) не могли быть доставлены из-за нехватки вагонов на железной дороге.

Горожане и периодическая печать обрушили на местное купечество обвинения в беззащитном «рвачестве» (Корреспонденция... 1915: 29). Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев осенью 1915 г. выпустил постановление, запрещающее всякого рода соглашения между торгующими с целью повышения цен. Виновным в нарушении грозило тюремное заключение на срок до 3 месяцев или денежный штраф до 3 000 рублей. Но подобные меры оказывались малоэффективными из-за того, что коммерсанты просто их игнорировали, а в условиях военного времени местные власти не располагали возможностью расследовать и доказывать подобные случаи.

В январе 1916 г. Красноярское купеческое Общество представило енисейскому губернатору Я.Г. Гололобову «Объяснительную записку по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки». Ее авторы не отрицали широкого развития спекуляции, но считали ее причиной общую экономическую конъюнктуру. Сибирские купцы закупали продукцию обрабатывающих отраслей промышленности у производителей европейской части страны, которые с началом войны стремительно подняли цены. В результате коммерсанты были вынуждены брать кредиты на торговые операции под огромные проценты у банков. Из-за дефицита средств они приобретали только небольшие партии, на провинциальных рынках больше не было крупного опта. Купцы также аргументированно доказывали низкую эффективность системы таксирования цен и показывали тот вред, который она наносила торговле.

Записка была опубликована отдельной брошюрой и распространялась с целью информирования населения и пресечения слухов о необоснованном повышении цен: «В

настоящее время можно нередко слышать весьма резкие упреки, бросаемые частными лицами и даже – что более всего кажется странным – печатью, по адресу торговцев. Не уяснив себе настоящего положения рынка, многие, всосав с молоком матери какое-то органическое презрение к торговле, из ложно понимаемого дендизма, с легким сердцем и спокойной совестью, где бы ни пришлось, обвиняют в неимоверном вздорожании товаров исключительно торговцев. Поистине, у нас в России всегда оказывается виноватым «стрелочник» (Объяснительная записка... 1916: 4).

Спрос на продукты питания в городах непрерывно увеличивался из-за того, что прибывали беженцы и военнопленные. К концу 1916 г. в Енисейскую губернию прибыло 12 299 беженцев (белорусов, латышей, литовцев, поляков, евреев) (Дворецкая, Жулаева, Луцаева 2016: 1362). Они селились вблизи железнодорожных станций, рассчитывая на скорое возвращение домой. Основная часть из них предпочла остаться в Красноярске, Канске и Ачинске, и лишь незначительное число направлялось в сельскую местность. К тому же, организация помощи беженцам была возложена на городские муниципалитеты. Комитеты помощи беженцам, созданные при городских управах, оплачивали продовольствие, проживание в бараках, лечение, выдавали пособия, используя субсидии государственного казначейства и благотворительные средства. Однако из-за падения уровня жизни местного населения его филантропическая активность также быстро снижалась, и к концу войны «беженческий вопрос потерял всякую остроту и интерес к нему со стороны всех слоев общества» (ГАКК 1917: 7).

В начале 1917 г. в регионе было сосредоточено 21 750 военнопленных (австрийцев, немцев, румын, венгров, словаков, итальянцев) (Комарова 2007: 47). Лагеря для них располагались близ тех же городов. В них же администрация и пленные офицеры делали продовольственные закупки, что вызывало недовольство горожан, поскольку способствовало росту цен на местных рынках. «Безделье» пленных вызывало чувство негодования крестьян, которые ожидали указа о привлечении их к обязательным работам. Однако использование труда военнопленных в сельском хозяйстве началось лишь с середины 1915 г., при этом весной 1916 г. их начали вывозить из сибирских губерний в европейскую часть страны. Это решение глубоко разочаровало сельчан. К тому же они были осведомлены о том, что с русскими солдатами в Германии и Австро-Венгрии обращались крайне жестоко, поэтому беглых военнопленных чаще всего задерживали именно крестьяне, а при задержании старались избить или покалечить (ГАКК 1915: 3).

Недовольство семей мобилизованных

Падение уровня жизни коснулось, прежде всего, беднейших слоев населения, поскольку расходы на питание составляли значительную часть их бюджета. Высокие риски бедности были характерны для семей мобилизованных солдат, поскольку они превратились в неполные многодетные семьи с большой иждивенческой нагрузкой. Согласно закону 25 июня 1912 г., им полагалось государственное пособие, однако инфляция быстро снижала покупательную способность денег и обесценивала значение выплат. Помощь тем категориям нуждающихся, о которых ничего не было сказано в законе (например, гражданским женам и незаконнорожденным детям) оказывали органы местного самоуправления. В городах они получали не только казенное пособие, но и ежемесячные выплаты в таком же объеме от попечительств, созданных при муниципалитетах. Благотворительные организации помогали с оплатой жилья, отопления, детской одежды, медикаментов. Расходы городов быстро росли, как и численность семей мобилизованных, поэтому в 1916 г. – начале 1917 г. происходило сокращение выплат. Урезание пайков воспринималось крайне негативно, разъяснения властей на этот счет воспринимались враждебно и с насмешками.

Наладить эффективную систему помощи семьям призванных в сельской местности не удалось, хотя в целом отношение к ним было сочувственным. В условиях господства натурального хозяйства сибирская деревня была бедна деньгами, благотворительные

мероприятия осуществлялись редко. Деятельность волостных попечительств фактически сводилась лишь к выдаче казенного пособия. Уже в 1915 г. на сходах сельчане отказывали солдаткам в трудовой помощи по обработке запашки, ссылаясь на то, что в их хозяйствах не хватало рабочих рук (Помогите солдаткам!... 1915: 2).

В январе 1916 г. в очередном донесении губернатору М.А. Байков высказывал предположение о том, что возможны проявления недовольства городских малоимущих, главным образом, солдаток. И действительно, в течение 1916–1917 гг. в городах Енисейской губернии произошло несколько стихийных выступлений, активными участницами которых были жены солдат. В Минусинске 11 марта 1916 г., накануне празднования пасхи, солдатки группами врывались в торговые лавки и требовали бесплатной раздачи товаров. Они поясняли, что в городском комитете помощи солдатским семьям не было средств, поэтому якобы городской голова дал им разрешение получить благотворительную помощь в виде подарков к празднику непосредственно у купцов. В случае отказа угрожали разгромить магазин и забрать вещи силой. Приказчики и служащие в растерянности отпускали товары (ГАКК 1916: 171).

Утром 7 мая 1916 г. начались беспорядки на Новобазарной площади Красноярска. Незначительный конфликт между продавцом и покупателем послужил поводом к погромам торговых рядов. Городовой и солдаты, оцепившие рынок, не принимали мер против грабителей, среди которых было много нижних чинов. Когда начальник Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Н.И. Игнатов и унтер-офицер И.И. Сазонов начали разгонять толпу, из нее посыпались камни и бутылки, оба получили ранения. В ходе дознания к суду было привлечено 96 человек, активное участие в избиении жандармов принимали солдатки. По мнению М.А. Байкова, в дальнейшем подобные стихийные вспышки недовольства могли принять более широкий размах из-за слабой дисциплины местного гарнизона (ГАКК 1916: 23).

В ноябре 1916 г. волнения солдаток происходили в Канске. После сокращения пособия, которое они получали от города, более трехсот женщин ворвались в здание управы. Городского голову Т.Д. Леонова они обвинили в воровстве денег, предназначенных семьям призванных, и посадили его под арест. Летом 1917 г. события (погром в управе, арест городского головы) повторились. Хотя полиции удалось навести порядок, горожане с тревогой отмечали в местной печати начало анархии и произвола (Свободная Сибирь... 1917: 4).

Не только современники событий, но и авторитетные исследователи в наши дни расценивают подобные беспорядки, прокатившиеся в годы войны, как в провинциальных, так и в крупных городах Российской империи, в качестве свидетельства социальной нестабильности. По мнению американской исследовательницы Б. Энгл, их участниками двигали «устоявшиеся представления о справедливости, которые включали в себя и право на обеспечение, и доступность жизненно необходимых товаров даже во времена дефицита» (Энгл 2010: 153). Низкая эффективность правительственной системы поддержки семей призванных, тяжелое материальное положение обусловили широкое участие в них солдаток.

Слухи и политические ссильные

В условиях неграмотности основной массы населения, на фоне тревожных и пессимистичных ожиданий росла роль слухов и сплетен. На сельских сходах, базарах, часто во время употребления спиртных напитков обсуждались вопросы о боеспособности русской армии, будущем и перспективах страны. Зимой 1915–1916 гг. в отпусках побывало много нижних чинов действующей армии. Солдаты обсуждали политические вопросы, говорили об изменах министров, это сильно действовало на крестьян, среди которых укреплялась мысль о бессмысленности войны (ГАКК 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915: 1–278).

Неосторожные высказывания становились поводом для сведения личных счетов. Так, в период декабря 1914 г. по декабрь 1915 г. жандармы Енисейской губернии проводили

расследование 37 доносов по обвинению в нецензурных высказываниях против императора, распространении ложных и пораженческих слухов о событиях на фронте. В ходе расследования тщательно проверялась «политическая благонадежность» обвиняемых (происхождение, семейное положение, образ жизни, характеристики и отзывы знакомых). В результате сведения, изложенные в доносах, подтвердились лишь в 7 случаях (ГАКК 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915: 1–278).

По мнению многих жандармских офицеров, серьезное влияние на распространение антиправительственных слухов оказывали политические ссыльные. Так, помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления ротмистр Л.А. Оболенский писал, что ссыльные устраивались на работу в кооперативы, пользовавшиеся авторитетом среди населения, для ведения агитации: «Допущение в состав правления союза кооперативов лиц сплошь с преступным прошлым привело к тому, что параллельно с правительственной властью в губернии существует не менее хорошо организованная и состоящая из идейных и опытных работников революции власть, которой подчиняется «не за страх, а за совесть» вся обширная губернская организация кооперативов, объединяющая вокруг себя не только ссылку, но и всех недовольных правительственным режимом лиц, количество каковых вообще в переживаемый момент колоссально, а в такой губернии как Енисейская, издавна населяемой преступным элементом, – подавляющее» (ГАКК 1917: 5). За деятельностью председателей и членов правлений кооперативов и ссудо-сберегательных товариществ было установлено агентурное наблюдение. По его результатам жандармское управление было вынуждено признать, что быстрое развитие потребительской кооперации обуславливалось не ростом политической сознательности населения, а исключительно экономическими трудностями военного времени (ГАКК февраль 1917: 4).

В целом степень влияния политических ссыльных на общественные настроения сибиряков не стоит преувеличивать, как это делалось в советский период. Архивные материалы и работы современных исследователей показывают, что, во-первых, ссыльные не придерживались единого мнения по вопросу о войне: «Ссылка раскололась на оборонцев, пораженцев, центристов, не определившихся» (Иванов, Новиков 2014: 74). Во-вторых, большинство политических расселяли в отдаленных от губернского центра сельских поселениях, где они не имели возможности заниматься нелегальной деятельностью, поскольку находились под непрерывным наблюдением жандармов, которые тщательно отслеживали их занятия, круг общения, переписку, передвижения. Значительное оживление их общественно-политической активности произошло уже после Февральской революции. По подсчетам историков, в Енисейской губернии можно было отнести к так называемому «ссылному активу» лишь 258 человек (10,6 % от общей численности), которые в 1917–1918 гг. принимали участие в ликвидации старых органов власти и создании комитетов общественной безопасности (Хазиахметов 1978: 84).

Заключение

Таким образом, если в начальный период войны жители Енисейской губернии выражали поддержку и лояльное отношение к мероприятиям центральной и местных властей, то к началу 1917 г. устойчивой чертой общественных настроений стало недовольство. Главной причиной этого стало ухудшение социально-экономических условий жизни, несмотря на то, что последствия войны сибиряки начали ощущать гораздо позже, чем жители европейской части страны. Дефицит, инфляция и спекуляция в наибольшей степени отражались на положении беднейших социальных групп, особенно семей мобилизованных солдат, которые и демонстрировали наиболее высокий уровень возмущения. В регионе не было открытых массовых организованных протестных выступлений, но противоречие между правительственным курсом на ведение войны до победного конца и стремлением людей скорее положить конец трудностям военного времени обусловило высокую вероятность социальных конфликтов, которые внешне выглядели слабо мотивированными.

Литература

Борщукова Е.Д. Особенности общественного сознания российских подданных в начальный период Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 55–59.

ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 827. Оп.1. Д. 282. Обзоры о политическом положении в Енисейской губернии. 1915 г.

ГАКК. Ф. 827. Оп.1. Д. 283 а. Политические обзоры по Красноярскому и Канскому уездам. 1917 г.

ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Донесения полицейских о происшествиях в Енисейской губернии. 1916 г.

ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1869. Переписка с прокурором Красноярского окружного суда по обвинению лиц в нецензурных высказываниях против царя. 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915 г.

ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 97. Документы о расходовании средств на агентурную работу. Обзор о политической обстановке в Енисейской губернии. 1915–1916 гг.

ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 125. Вырезки из газеты «Енисейский край» о деятельности ссудосберегательных товариществ и кооперативов в Енисейской губернии. Февраль 1917 г.

ГАКК. Ф. 832. Оп.1. Д. 524. Документы по расследованию дела о нанесении ран начальнику Красноярского отделения ротмистру Игнатову и унтер-офицеру Сазонову во время беспорядков на Новобазарной площади г. Красноярска 7 мая 1916 г.

Голубин Р.В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2002. № 1. С. 92–96.

Дворецкая А.П., Жулаева А.С., Лушаева Г.М. Беженцы в тылу Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии) // Былые годы. 2016. № 42. С. 1360–1367.

Деревня приспосабливается // Сибирская деревня. 1915. № 21. 23 ноября. С. 18–19.

Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул: БГПУ, 2005.

Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2014.

Иванов А.А., Новиков П.А. «Дайте мне волю – я научу вас свободу любить»: политические ссыльные в Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 1 (10). С. 69–84.

История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). Том 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968.

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Комарова Т. С. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Издательство «Сибирский печатный двор», 2007.

Корреспонденция. Канский уезд // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. № 3. С. 29.

Кротт И.И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103–118.

Минин А.А. Война, хозяйство и кооперация. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М.: Издательство «Весь Мир», 2012.

Назаров А.Н. Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета. Серия История. Филология. 2007. № 41. С. 15–16.

- Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136.
- Объяснительная записка Красноярского Купеческого Общества по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки. Красноярск: Типография Епархиального Братства, 1916.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915.
- Парамонов В.Н. Качество жизни населения России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций, 2014. С. 100–120.
- Пахалюк К.А. Делегитимизация царской власти: идеологическое измерение (1914–1917 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 30–39.
- Помогите солдаткам! // Сибирская деревня. 1915. 28 февраля. № 4. С. 2.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.
- Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914–начало 1917 гг.) // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2014. С. 134–140.
- Продовольственные перспективы // Вестник красноярского городского общественного управления. 1915. № 18–19. С. 12–18.
- Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М.: Издание ЦСУ, 1925.
- Свободная Сибирь. 1917. 14 июня. № 56. С. 4.
- Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2012.
- Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). С. 1–14.
- Сухова О.А. Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций, 2014. С. 121–140.
- Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны. Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2014. С. 446–468.
- Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: Изд-во Томс. ун-та. 1978.
- Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15.
- Что будем делать весной? // Сибирская деревня. 1915. № 21. 23 ноября. С. 2–6.
- Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015.
- Шишкина С.Ю. Патриотизм и толерантность: к вопросу об эволюции общественных настроений в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2006. № 7. С. 191–206.
- Энгл Б. Не хлебом единым: продовольственные беспорядки в России во время Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета. История. 2010. № 1. Т. 4. С. 148–178.

Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History. L.: Pearson-Longman. 2005.

Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press. 1990.

Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton: Princeton University Press, 2002.

References:

Borshchukova E.D. Osobennosti obshchestvennogo soznaniya rossiiskikh poddannyykh v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny [Features of the social consciousness of Russians in the initial period of the First World War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*. 2010, no. 4, pp. 55–59.

GAKK (Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya) [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. F. 827. Op.1. D. 282. Obzory o politicheskom polozhenii v Eniseiskoi gubernii [Reviews of the political situation in the Yenisei province.]. 1915.

GAKK. F. 827. Op.1. D. 283 a. Politicheskie obzory po Krasnoyarskomu i Kanskomu uездam [Political review of the Krasnoyarsk and Kansk counties]. 1917.

GAKK. F. 827. Op. 1. D. 1478. Doneseniya politseiskikh o proisshestviyakh v Eniseiskoi gubernii [Reports of police incidents in the Yenisei province]. 1916.

GAKK. F. 827. Op. 1. D. 1869. Perepiska s prokurorom Krasnoyarskogo okruzhnogo suda po obvineniyu lits v netsenzurnykh vyskazyvaniyakh protiv tsarya [Correspondence with the prosecutor of the Krasnoyarsk District Court about accusations of obscene statements against the tsar]. 29 dekabrya 1914 – 31 dekabrya 1915.

GAKK. F. 827. Op. 2. D. 97. Dokumenty o raskhodovanii sredstv na agenturnuyu rabotu. Obzor o politicheskoi obstanovke v Eniseiskoi gubernii [Documents on the expenditure of funds for intelligence work. An overview about the political situation in the Yenisei province]. 1915–1916.

GAKK. F. 827. Op. 3. D. 125. Vyrezki iz gazety «Eniseiskii krai» o deyatel'nosti ssudosberegatel'nykh tovarishchestv i kooperativov v Eniseiskoi gubernii [Cuttings from the newspaper "Yenisei Region" on the activities of partnerships and cooperatives in the Yenisei province]. Fevral' 1917.

GAKK. F. 832. Op.1. D. 524. Dokumenty po rassledovaniyu dela o nanesenii ran nachal'niku Krasnoyarskogo otdeleniya rotmistru Ignatovu i unter-ofitseru Sazonovu vo vremya besporyadkov na Novobazarnoi ploshchadi g. Krasnoyarska 7 maya 1916 [Documents to investigate cases of wounding the head of the Krasnoyarsk branch of the captain Ignatov and non-commissioned officer during the riots Sazonov on Novobazarnoy area of Krasnoyarsk May 7, 1916]. 1916.

Golubin R.V. Transformatsiya obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [The transformation of public attitudes in Russia during the First World War]. *Otechestvennaya istoriya*. 2002, no. 1, pp. 92–96.

Dvoretskaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M. Bezhentsy v tylu Pervoi mirovoi voiny (na primere Eniseiskoi gubernii) [Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State)]. *Bylye Gody*. 2016, no 42, pp. 1360–1367.

Derevnya prisposablivaetsya [Village adapts]. *Sibirskaya derevnya*. 1915, no. 21, pp. 18–19.

Eremin I.A. Tomskaya guberniya kak tylovoy raion Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [Tomsk province as a rear region of Russia during the First World War (1914–1918)]. Barnaul: BGPU, 2005.

Zabytaya dobrost': Eniseiskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny [Forgotten valor: the Yenisei province during the First World War]. Krasnoyarsk: OOO «Izdatel'stvo Polikor». 2014.

Ivanov A.A., Novikov P.A. «Daite mne volyu – ya nauchu vas svobodu lyubit'»: politicheskie ssyl'nye v Sibiri v 1914–1917 gg. ["Give me freedom - I will teach you to love freedom": political

exiles in Siberia in 1914–1917] // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2014, no. 1 (10), pp. 69–84.

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (v 5 tomakh). Tom 3. Sibir' v epokhu kapitalizma [History of Siberia from ancient times to the present day (in 5 volumes). Volume 3. Siberia in the era of capitalism]. L.: Nauka. 1968.

Kolonitskii B. I. «Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny [Tragic erotica: Images of the Imperial family during the First World War]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Komarova T. S. Tem, kto v zabven'e broshen byl sud'boi... Eniseiskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny [Those who are thrown into oblivion was the fate of the Yenisei province during the First World War]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo «Sibirskii pechatnyi dvor». Krasnoyarsk. 2007.

Korrespondentsiya. Kanskii uezd [Correspondence. Kansky county]. *Vestnik Prieniseiskogo kraya pomoshchi bol'nym i ranenym voynam, postradavshim ot voyny, bezhentsam i vyselentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii*. 1915, no. 3, pp. 29.

Krott I.I. Sel'skoe khozyaistvo Zapadnoi Sibiri. 1914–1917 gg. [Agriculture in the Western Siberia. 1914–1917]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 11, pp. 103–118.

Minin A.A. Voina, khozyaistvo i kooperatsiya [War, economy and cooperation]. M.: T-vo tip. A.I. Mamontova. 1915.

Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The welfare of the population and revolution in Imperial Russia: the XVIII – beginning of XX century]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2012.

Nazarov A.N. Pervaya mirovaya voina v massovom soznanii rossiiskogo naseleniya (na materialakh Severo-Zapada) [The First World War in the mass consciousness of the Russian population (on materials of the North-West Region)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya*. 2007, no. 41, pp. 15–16.

Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniya v dorevol'yutsionnoi Rossii [Living standards in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 5, pp. 127–136.

Ob'yasnitel'naya zapiska Krasnoyarskogo Kupecheskogo Obshchestva po povodu nedostatka nekotorykh produktov na mestnom rynke, vzdorozhaniya tovarov i tekhnicheskikh mer, kotorye zhelatel'ny dlya ikh normirovki [Explanatory Memorandum Krasnoyarsk Merchant Society about the disadvantage of some products in the local market, increased cost of goods and the measures desirable for their normalization]. Krasnoyarsk: Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva. 1916.

Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1915 god [The memorable book of Yenisei province in 1915]. Krasnoyarsk. Eniseiskaya gubernskaya el.-tipografiya. 1915.

Paramonov V.N. Kachestvo zhizni naseleniya Rossii v 1914–1917 gg. [Quality of life in Russia in 1914–1917]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya*. M.: In-t rossiiskoi istorii Ros. akad. nauk; Nauch. sovet Ros. akad. nauk po istorii sotsial'nykh reform, dvizhenii i revolyutsii. 2014, pp. 100–120.

Pakhalyuk K.A. Delegitimizatsiya tsarskoi vlasti: ideologicheskoe izmerenie (1914–1917 gg.) [Delegitimization of royal power: ideological dimension (1914–1917)]. *Pervaya mirovaya voina, Versal'skaya sistema i sovremennost'*. SPb.: SPbGU. 2014, pp. 30–39.

Pomogite soldatkam! [Help the soldiers!] *Sibirskaya derevnya*. 1915, no. 4, p. 2.

Porshneva O.S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [Peasants, workers and soldiers of Russia before and during the First world war]. M.: ROSSPEN. 2004.

Porshneva O.S. Evolyutsiya obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–nachalo 1917 gg.) [The evolution of public sentiments in Russia during the First World War (1914–early 1917)]. *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny 1914–1918 gg.* M.: Institut rossiiskoi istorii RAN. 2014, pp. 134–140.

Prodovol'stvennye perspektivy [Food perspectives]. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915, no. 8–19, pp. 12–18.

Rossiia v mirovoi voine 1914–1918 goda: (v tsifrakh) [Russia in World War I (1914–1918 year: (in figures)]. M.: Izdanie TsSU. 1925.

Svobodnaya Sibir'. 1917, no. 56, p. 4.

Semenova E.Yu. Mirovozzrenie gorodskogo naseleniya Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–nachalo 1918 gg.): sotsial'nyi, ekonomicheskii, politicheskii aspekty [World outlook of urban population of the Volga region during the First World War (1914–early 1918.): Social, economic, and political aspects]. Samara: ANO «Izdatel'stvo SNTs RAN». 2012.

Senyavskaya E.S. Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoi nauchnoi otrasli [Military anthropology: experience in the formation and development of new scientific sectors]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2016, no. 1–2 (14), pp. 1–14.

Sukhova O.A. Pervaya mirovaya voina kak vyzov russkoi mental'nosti: massovye nastroyeniya v provintsii v 1914–1917 gg. [The First World War as a challenge to the Russian mentality: mass sentiment in the province in 1914–1917]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya*. M.: In-t ros. istorii Ros. akad. nauk; Nauch. sovet Ros. akad. nauk po istorii sotsial'nykh reform, dvizhenii i revolyutsii. 2014, pp. 121–140.

Ul'yanova G.N. Filantropicheskaya aktivnost' obshchestva [Philanthropic Society Activity]. *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. Ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis*. M.: Izdatel'stvo «Politicheskaya entsiklopediya». 2014, pp. 446–468.

Khaziakhmetov E.Sh. Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg. [The Siberian political exile of 1905–1917] Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta. 1978.

Haimson L. Ob istokakh revolyutsii [On the origins of the revolution]. *Otechestvennaya istoriya*. 1993, no. 6, pp. 3–15.

Chto budem delat' vesnoi? [What do we do in the spring?] *Sibirskaya derevnya*. 1915, no. 21, pp. 2–6.

Shilovskii M.V. Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir' [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf. 2015.

Shishkina S.Yu. Patriotizm i tolerantnost': k voprosu ob evolyutsii obshchestvennykh nastroenii v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Zaural'ya) [Patriotism and tolerance: the question of the evolution of public sentiment during the First World War (on materials of the Trans-Urals)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. 2006, no. 7, pp. 191–206.

Engel B. Ne khlebom ediny: prodovol'stvennye besporyadki v Rossii vo vremya Pervoi mirovoi voiny [Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2010, no. 1, Vol. 4, pp. 148–178.

Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History. L.: Pearson-Longman. 2005.

Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press. 1990.

Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton: Princeton University Press, 2002.